

S T U D I A P H I L O L O G I C A

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРА»

СБОРНИК В ЧЕСТЬ
С. Г. БОЧАРОВА

Ответственный редактор
И. Л. Попова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ПРОГРЕСС-ТРАДИЦИЯ

Москва 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)
Б 72

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-04-16063

Б 72 «Литературоведение как литература»: Сборник в честь С. Г. Бочарова /
Отв. ред. И. Л. Попова. — М.: Языки славянской культуры; Прогресс-
традиция, 2004. — 512 с. — (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-9551-0016-4

Настоящая книга собрана как поздравление современному филологу Сергею Георгиевичу Бочарову, и в заглавие сборника вынесен сформулированный им тезис. В предисловии к книге «Сюжеты русской литературы» (1999) автор писал: «Литературоведение это тоже литература, и филолог это писатель, он не только имеет дело с исследуемым словом другого писателя, он работает с собственным словом сам, без чего ему не откроется и исследуемое слово». И далее: «Филологическая работа — продолжение самой литературы, необходимое этой последней для самопонимания».

Характер настоящей книги отвечает этому убеждению филолога. В книге участвуют не только профессионалы литературоведения, историки и теоретики литературы, а также лингвисты и философы, но и писатели, «слово теории» сходится на ее страницах с литературно-эссеистическим словом прозаиков наших дней. В упомянутом предисловии С. Г. Бочаров солидарно ссылаясь на высказывание другого филолога, А. В. Михайлова, о том, что слово теории должно быть в глубоком родстве со словом самой поэзии, и даже рассматривал это высказывание (имевшее полемическим фоном известные схематизирующие тенденции современной теории, согласно которым язык исследования, «язык описания» принципиально отличается как научный от исследуемого языка художественного) как своего рода эпиграф к собственной филологической работе. Хотелось бы, чтобы это высказывание могло стать эпиграфом и к той картине филологических сюжетов, которая совместными усилиями ее участников собрана в настоящей книге.

ББК 83.3

*Идея издания этой книги возникла на конференции в честь С. Г. Бочарова,
организованной в Институте мировой литературы Л. И. Сазоновой*

«ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ КАК ЛИТЕРАТУРА»

Сборник в честь С. Г. Бочарова

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет подготовила Л. Гоготова

Корректоры М. Куренкова, Л. Щеголева

Художественное оформление переплета О. Максимовой и Ю. Саввина

Подписано в печать 18.07.2004. Формат 70×100 ¹/₁₆. Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Гарнитура Таймс Усл. печ. л. 41,28. Тираж 800. Заказ № 4195

Издательство «Языки славянской культуры» ЛР № 02745 от 04.10.2000

Тел.: 207-86-93 Факс (095) 246-20-20 (для аб М153). E-mail: lit@omti.ru

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0016-4

9 785955 100166

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Топоров. Дорогому Сергею Бочарову 7

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ. ПОЭТИКА. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА.

<i>М. Н. Виралайнен (Санкт-Петербург)</i> . Мифологема «чужого мира» в историческом самосознании Киевской и Московской Руси (XI—XVI вв.)	13
<i>Л. И. Сазонова</i> . Общевропейские черты восточнославянского барокко: Из наблюдений над поэтикой	31
<i>Валентин Непомнящий</i> . Из дневника пушкиниста	50
<i>Самуил Шварцбанд (Иерусалим)</i> . О «Наполеоне» А. С. Пушкина и «Разговоре в Кишиневе» В. Ф. Раевского	59
<i>Н. К. Гей</i> . Кому посвящены «Повести Белкина»?	75
<i>Ю. В. Манн</i> . «Первая идиллия Гоголя»	79
<i>Л. В. Дерюгина</i> . Пушкинское и Пушкинско-Петербургское в «Невском проспекте»	84
<i>И. Л. Попова</i> . Мотивы старообрядческой легенды о граде Китеже в драме А. Н. Островского «Гроза»	111
<i>Агнеш Дуккон (Будапешт)</i> . «Лишние люди» или шиллеровский дуализм в интерпретации Тургенева	131
<i>Дёрдь Сёке (Будапешт)</i> . Возможный сюжет или подводное течение? (О рассказе Чехова «Дом с мезонином»)	131

* * *

<i>Лена Силард (Сассари, Италия)</i> . К проблеме эстетического самосознания русского символизма	135
<i>Л. А. Гогтишвили</i> . Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект)	148
<i>С. Н. Бройтман</i> . Пушкин и русский символизм	176
<i>И. Б. Роднянская</i> . Свободно блуждающее слово: К философии и поэтике семантического сдвига	183

<i>Ирина Сурат</i> . Мандельштам и Пушкин: лирические сюжеты	197
<i>Татьяна Дубровина</i> . «Тяжелее платины Сатурново кольцо...» (Гипотеза о некоторых психологических аспектах поэтики О. Мандельштама)	234
<i>Ю. Н. Чумаков</i> (Новосибирск). На периферии «Петербургского текста»	247
<i>Мишель Окутюрье</i> (Париж). Поэт и философия (Борис Пастернак)	255
<i>М. О. Чудакова</i> . Дочь командира и капитанская дочка (Рейнкарнация героев русской классики)	274

* * *

<i>Вардан Айрапетян</i> (Ереван). Толкуя слово: Из дополнений (2002)	293
<i>Н. Д. Тамарченко</i> . Структура сюжета в большой эпической форме	313

ВОКРУГ М. М. БАХТИНА

<i>Н. И. Николаев</i> (Санкт-Петербург). Невельская школа философии и марксизма (Доклад Л. В. Пумпянского и выступление М. М. Бахтина)	323
<i>Л. В. Пумпянский</i> . (О марксизме). Публикация <i>Н. И. Николаева</i>	331
<i>В. Е. Хализев</i> . Теория поступка М. М. Бахтина в контексте философии XX века	339
<i>И. Н. Фридман</i> . По направлению к рампе: Бахтинский 'хронотоп' как общезстетическая категория	364
<i>В. Л. Махлин</i> . «Замедление»: задача обратного перевода	394
<i>Галин Тиханов</i> (Ланкастер, Великобритания). Николай Бахтин как переводчик Александра Блока	418
<i>Вадим Ляпунов</i> (Блумингтон, Индиана, США). В продолжение комментария к «Автору и герою в эстетической деятельности». Примечание 109: Киркегор	423

ПРОЗА

<i>Андрей Битов</i> . Литературный герой как герой (Рассуждение в жанре интеллектуального примитива)	429
<i>Людмила Петрушевская</i> . Прелюдия к одному рассказу. Стихи и песни	435
<i>Ольга Шамборант</i> . Занимательная геронтология	443
<i>Юз Алешковский</i> (Крамвель, Коннектикут, США). Головоломка	451
<i>Александр Суконик</i> (Нью-Йорк). О высоком и низком (Мой постскрипtum)	463
<i>Г. Д. Гачев</i> Теон и Эскин. Бочаров и я	485

Вы знаете, конечно, что в русском слове *смысл* первое *с-* является префиксом, но многим, вероятно, неизвестно, что в этом префиксе некогда слились два отдельных префикса — один, восходящий к и.-евр. **si-* 'хороший', 'благой', другой, происходящий из и.-евр. **som-* и обозначающий соединение, синтез (в именных сложениях это **som-* дает *су-*, из сж.-ср. *су-пруз*, *су-сед*, соотв. сжпржгъ, сжсѣдъ). Так и стало в русском языке (и так должно было стать в жизни) — что соединено, что вместе, в согласии друг с другом, то и хорошо. Но «хорошо» не всегда отсылает к идее соединения, хотя в своем абсолютном состоянии оно предполагает, что хорошо всем — и мне, и тебе, и людям и миру, и своим и чужим, а это, собственно, и есть состав соединенного цельноединого.

Язык со временем меняется, и мы в значительной степени утрачиваем чувство языка прошлой эпохи, хотя таинственная сила смысла продолжает еще какое-то время жить в говорящем, пусть только в его бессознательном или подсознательном. Но если этот говорящий — поэт своего языка, не только «пользующийся» им, но и творящий в нем, он может пробиться к тайне исходного смысла. Конечно, мы можем вполне говорить не только о хорошем, но и о плохом, неправильном смысле, тогда как в своей основе и в своем начале *смысл* может быть только благим и истинным. Поэтому в некоем умозрительном философско-языковом базовом словаре в соответствующей статье должно бы было стоять: первое значение — *смысл* (благой), второе — *смысл* (всякий), *неправ*. Нужно только заметить, что и наше языковое различие хорошего и плохого часто слишком приблизительно, поверхностно, определяется злобой дня. У плохого, даже если оно действительно плохое, может быть и своя благая часть. Так, слово *смерть* (сж-мрѣть < **su-mьrt-*), подобно словам *счастье* (сж-чѣстие < **su-čest-*) или *здоров* (сж-дравъ < **su-dorv-*, тот же корень, что и в слове *дерево* < **deru-*), отсылает к семантическому множителю «положительности-благости» и некогда обозначало хорошую смерть, т. е. скорую и непостыдную, а плохая смерть — болезненная, мучительная, насильственная, постыдная — называлась *навь* (тот же корень, что и в *ныть*, *унывать*). Но и в современном русском языке немало следов, свидетельствующих о том, что в «сильной» позиции *смысл* по самой своей идее благ и сейчас, потому что он отсылает к бытию и истине, к той *истине-истине*, которая усвоена народным языковым и нравственным сознанием (вопреки реальному положению дел). Когда говорят: *есть смысл, что-*

бы., в слово *смысл* вкладывают идею благого, истинного, надежного основания, высокой целесообразности, более того, смыслу приписывается бытие, само явление которого благо и отсылка к соединенному из разных частей целому, а такое целое безмерно выше «природного», т. е. порожденного (а не сотворенного) целого как искони существующего монолита. Сотворенность целого отсылает к творцу — Богу или человеку прежде всего, и поэтому явление смысла, как и само это слово *смысл* предполагает сферу богочеловеческого и специально — «антропную» доминанту.

С таким смыслом, кажется мне, и работает много десятилетий наш выдающийся литературовед-мыслитель Сергей Георгиевич Бочаров. Поле его размышлений образует великий текст русской литературы в его высших проявлениях — Пушкин, Баратынский, Гоголь, Достоевский, Толстой, Платонов... И в этих хорошо известных и изученных, читанных и перечитанных текстах он ищет *смысл* как некое интегральное целое и *смыслы* как всё многообразие отражений этого целого. *Смысла я в тебе ищу и Тайный твой язык учу* — по сути дела, одно и то же. Только ища смысл, учатся самому искусству его поиска, и только в этом поиске обретается сам смысл, который никогда не задан, но всегда иском и никогда до конца не находим, потому что он всегда в развитии, и потому еще, что его глубина столь велика, что уходит в будущее, которому предстоит дать воплощение тому, что потенциально хранилось в глубине прошлого. И в этом деле исследователь смысла оказывается не только разведчиком его, но отчасти родовспомогателем и даже творцом.

Но поиск подлинного смысла никогда не бывает прямой дорогой, и его никогда нельзя обрести случайно, как оброненный кем-то кошелёк. Поиск неизбежно сопряжен с колебаниями, сомнениями. Можно напомнить, что ст.-слав. съ-мьнѣти, как и соответствующее древнерусское слово, обозначает не только состояние колебания-сомнения (*διακρίνωμαι, διατάξιν*), но и размышление, раздумывание (*σκέπτομαι*, так сказать, пребывание в скептическом состоянии), а слово *смысл* обозначает, помимо разума, ума, способа мышления и т. п., еще и *замысел, намерение, цель*, переводя др.-греч. σκοπός, т. е. то, к чему можно только стремиться, усваивая промежуточные явления-откровения смысла. Ни читатель, ни исследователь, ни сам автор, ни даже сам текст его не являют всю мыслимую полноту смысла, но обоюдное сотрудничество всех их, соединение вокруг смысла позволяет иногда заглянуть и, если не понять, то почувствовать последние его светлые бездны. Но не всякому дано войти в подлинное общение со смыслом, столь необходимое для обеих сторон. Смысл, запертый в тексте и еще не проявленный, томится в ожидании своего освободителя — исследователя ли, читателя ли — *Divina eloquia cum legente crescunt*, по известному слову.

Сергей Георгиевич — из тех немногих избранных, званных на пиршество смысла за его серьезность, несуетность, устойчивость перед соблазнами, глубину, верность смыслу до забвения себя самого ради невреждения смысла и нахождения этого «неврежденного» смысла во всей его силе.

Личное. Я встретил Сергея Георгиевича более полувека назад при случайных обстоятельствах и только позже понял, что случайность была не более чем поверхностью или изнанкой чего-то противоположного случайности и, несомненно, более фундаментального, чем она, полного смысла. За прошедшие десятилетия я узнал Сергея Георгиевича, оценил его, многое от него получил, был сочувственным его и ему собеседником. Из моей жизни его не вычеркнуть.

В. Н. Топоров

**ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.
ПОЭТИКА. ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА**

М. Н. Виролойнен (Санкт-Петербург)

**МИФОЛОГЕМА «ЧУЖОГО МИРА»
В ИСТОРИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ
КИЕВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ (XI—XVI вв.)**

Сергей Георгиевич Бочаров ввел в филологический обиход новое жанровое образование — постскрипtum к статье. Его постскриптумы подчас превышают по объему исходный текст, они свидетельствуют о том, что высказанная однажды идея почти с неизбежностью продолжает жить, развиваться, расти подобно тому, как не может остановиться в своем развитии органический мир, и потому они напоминают крону высаженного некогда, а затем мощно разросшегося дерева. В посвященной ему работе я тоже позволю себе использовать жанр постскриптума, не претендуя, разумеется, на ту красоту и органику, с какой этот жанр разработан С. Г. Бочаровым.

Вначале по необходимости придется коротко повторить то, что уже было печатно высказано. Речь пойдет о сакральных координатах русской истории.

Введение в Повесть временных лет содержит географическое описание. Два водных пути двумя осями координат прошивают насквозь Русскую землю. Первая ось — знаменитый путь из Варяг в Греки. Один ее конец упирается в море Варяжское, другой — в море Понтийское. Другая ось проходит по Волге и Двине. Ее финальные точки — земли Сима и Хама¹. Варяги и Греки, земля Сима и земля Хама становятся четырьмя отчетливо выделенными точками, отмечающими сакрализованные семантические координаты Русской земли.

В самом деле, в рамках такой географической классификации статус Варягов и Греков уравниен со статусом сыновей Ноя, хотя и имеет несколько иное значение. Как уделы Сима и Хама отграничивают по одной оси удел Иафета, так по другой оси Варяги и Греки в границах наследия Иафета кладут предел пространственной перспективе земли Русской. Среди многочисленных племен и народов, упомянутых летописью, варяги и греки занимают исключительное

¹ «...потече Волга на вѣстокъ, и вѣтчеть (...) в море Хвалыское. Тамже и из Руси можеть ити по Волзѣ в Болгары и въ Хвалысы, и на вѣстокъ дойти въ жребий Симвовъ, а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима, от Рима же и до племени Хамова» (Повесть временных лет. Ч. 1: Текст и перевод. М.; Л., 1950. С. 12).

положение — причем не только в политическом, но также и в мифологическом, а следовательно — и в сюжетостроительном смысле.

Сюжетным центром, событийной кульминацией Повести временных лет, конечно же, служит история крещения Руси. Введенная в летопись «Корсунская легенда» перестроила ход событий, первоначально зафиксированный сказанием о распространении христианства, по которому Владимир крестился в Киеве сразу же после испытания вер². В результате принятие христианства предстало увязанным в один событийный узел с браком Владимира и взятием Корсуня, предпринятым ради того, чтобы добиться руки греческой царевны.

Эпизод оказался оформленным по модели трехчленного параллелизма «взятие города / брак / воцарение», организующего сказочные сюжеты о завладении царевной и царством³. По той же модели построена и история женитьбы Владимира на Рогнеде, причем оба рассказа варьируют один и тот же сюжетный рисунок.

Ни та, ни другая невеста не хочет идти за Владимира. Чтобы добыть каждую из них, он силой берет город. Вместе с Анной Владимир получает крещение. Вместе с Рогнедой он, казалось бы, получает только Полоцк — завоевание немалое, но не идущее ни в какое сравнение с обретением христианства. Однако этому браку сопутствует и нечто другое.

Рассказ о женитьбе на Рогнеде, судя по всему, является позднейшей вставкой: он нарушает течение повествования о походе Владимира (который тогда еще не был киевским князем) на Ярополка, княжившего в Киеве. Кажется в высшей степени нелогичным, что, собираясь идти на Киев, Владимир вдруг отвлекается от столь важной цели, дабы осуществить полоцкое предприятие — и воевать на два фронта вместо одного⁴. Этот логический сбой не менее выразителен, чем воссоединение дат крещения, женитьбы на Анне и взятия Корсуня. История брака с Рогнедой вклинивается в историю завоевания Киева таким образом, что взятие Полоцка и полоцкой невесты предваряет занятие киевского стола точно так же, как взятие Корсуня и получение греческой невесты предваряет крещение. Связь киевского и полоцкого дела подчеркнута тем, что Рогнеда просватана за Ярополка — Владимир отвоевывает у него сначала невесту, а потом киевский княжеский стол. В этом-то смысле браку с Рогнедой и сопутствует событие, сопоставимое по своей значимости с принятием христианства. Им является вокняжение Владимира в Киеве — необходимая предпосылка к тому, чтобы его крещение привело к общерусским последствиям.

Как Корсунь — не Царьград, так и Полоцк — не Киев. Взятие обоих городов служит предварительной демонстрацией силы, за ней следует женитьба, а за женитьбой — обретение главной искомой цели.

² См.: *Повесть временных лет*. Ч. 2: Приложение / Ст. и комм. Д. С. Лихачева. С. 55—56, 335—337.

³ См.: *Плюханова М.* Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995. С. 190—192.

⁴ Именно так трактует этот эпизод А. А. Шахматов. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 247—251.

До брака с царевной Анной у Владимира было, как сообщает летопись, 800 наложниц и несколько жен. Среди этого брачного изобилия лишь две фигуры — Рогнеда и Анна — наделены именами, и рассказано, соответственно, лишь о двух свадьбах Владимира. Значимость брака с греческой царевной очевидна. Но почему уравнена с нею Рогнеда, дочь Рогволода?

О Рогволоде летопись говорит: «Бѣ бо Рогъволодъ пришель и-заморья, имяше власть свою в Полотъскѣ»⁵. Историки (не вполне, правда, единодушно) склоняются к тому, чтобы видеть в Рогволоде варяга⁶. В данном контексте значимо не реальное происхождение исторического Рогволода, а точка зрения самой летописи, для которой «заморье» — не что иное, как формула, устойчиво применяемая к варягам⁷. Летопись, таким образом, считает Рогволода варягом. А из этого следует, что одну невесту Владимир взял у варягов, другую — у греков.

Варяжский и греческий браки Владимира в соотнесении с греко-варяжскими координатами русского пространства формируют весьма выразительную мифологему. «Варяги» и «Греки» — две главные «чужие» земли, относительно которых осмыслена протяженность Земли Русской. И в каждом из двух «чужих» миров креститель Руси взял себе по невесте.

Какую силу берет Владимир у греков — понятно. Именно греки являлись к моменту крещения Руси носителями и хранителями православной веры. Сила варягов — иной природы. Это архаическая магическая сила, что явствует из более ранних событий, из повествования об Олеге Вещем и о княгине Ольге, прочитанного через фольклорный код.

Если Владимир — креститель, то Ольга, бабка Владимира — первая русская христианка⁸. Летопись ставит их в отношения новой Елены и нового Константина. Она, как и он, участвует в ярких и тоже фольклоризированных свадебных сюжетах: Ольга и Игорь, Ольга и древлянский князь Мал, Ольга и византийский император Константин.

Неудачное сватовство древлянского Мала, а затем самого византийского императора рисуют Ольгу как классически известную по фольклору непобедимую невесту и оттеняют тем самым значимость брака Игоря с Ольгой. Прови-

⁵ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 54.

⁶ Ср., например: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига. М., 1872. Т. 1. С. 487; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1959. Кн. 1. С. 171; *Лихачев Д. С.* Народное поэтическое творчество времен расцвета древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.) // Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. М.; Л., 1953. С. 157.

⁷ «Имаху дань варязи изъ заморья...», «Изыгнаша варязи за море...», «И идоша за море къ варягомъ...» — трижды акцентирует летопись, начиная рассказ о варягах. И далее формула повторяется неоднократно, напоминая сказочное «за тридевять земель» («Ярославъ же, пославъ за море, приведе варязы», «и посла за море по варязы» — Повесть временных лет. Ч. 1. С. 18, 89, 100).

⁸ Речь идет, разумеется, не об историческом факте (христианство на Руси существовало и до Ольги — см.: *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1901. Т. 1. С. 63—76), а о летописно-житийной репутации Ольги.

денциальный смысл этого брака очевиден: Ольга — праматерь Владимира, «русское познание кь богу»⁹. Но как же удалось завоевать ее Игорю? Степенная книга и другие позднейшие источники содержат устойчивую версию, согласно которой брак Игоря и Ольги обеспечен был Олегом Вещим, приведшим для русского князя такую невесту. Функция брачного посредника, помощника в добывании невесты, прочно закрепилась за Олегом и в сознании русских книжников, и в фольклорном сознании¹⁰. Природа помощника жениха в славянском и мировом фольклоре, а также обрядности, хорошо известна: наделенный магическими свойствами, он выступает заместителем жениха, оберегающим его от опасности, связанной с невестой при свадебных испытаниях. На магическую силу Олега, пришедшего из-за моря вместе с Рюриком, указывает и его прозвище. «Вещий» означает «волхв», «кудесник»¹¹.

Качества Олега, правившего сразу же вслед за Рюриком из-за малолетства Игоря, суть качества варяга, передаваемые Руси. Рюрик — варяжский князь. Его сын Игорь — князь русский. Между ними, в точке перехода и превращения, стоит Олег. Его фигура является ключевой в решении Повестью временных лет «варяжского вопроса». Летопись утверждает: русью первоначально назывались варяги («от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене»¹²). Кроме руси к варягам отнесены норманы, шведы, англв, готланды... Очень важно, что когда Рюрик с братьями пришел к славянам, он взял с собою «всю русь»¹³ — значит, вся русь стала Русью¹⁴. Как русь-варяги отдают свое имя народу русскому, Земле Русской, так Олег отдает свое имя Ольге¹⁵.

Итак, магическое и архаическое — вот начала, составляющие силу варягов. Эта сила Олега, которой добыта для Киева Ольга, вместе с именем передается Ольге, передается Руси. Прежде, чем сесть на киевский стол, Владимир

⁹ Повесть временных лет. Ч. 1. С. 49.

¹⁰ См.: Халанский М. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // Журнал Министерства народного просвещения. 1902. Ч. 342. Август. С. 306—356.

¹¹ См.: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 270—271. По убеждению многих фольклористов, к Олегу Вещему восходит образ былинного Вольха / Вольги, хитро-мудрого оборотня (Впервые отмечено П. А. Бессоновым в кн.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. СХVII). «Поздним двойником Олега, недаром слитым с ним в одно эпическое лицо былинной» В. Л. Комарович считает Всеслава Полоцкого, о котором Повесть временных лет говорит, что он родился от волхования, а «Слово о полку Игореве» — что он рыскает по ночам волком (см.: Комарович В. Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 103).

¹² Повесть временных лет. Ч. 1. С. 23.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Ср. пояснения к этому месту: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 340.

¹⁵ В. И. Татищевым в примечаниях к главе, посвященной Иоакимовской летописи, приведена версия, по которой Олег дал Ольге свое имя «от любви» к ней (см.: Та-

должен подтвердить, согласно фольклорной логике, свою способность совладать с этой силой, добывая Рогнеду.

Симметрия греческого и варяжского сюжетов, подчеркнутая симметрией двух свадеб Владимира, имеет для летописи важный идеологический смысл. В круге мифологических представлений, связанных с варягами, оказывается подготовленной, генетически заложенной идея Третьего Рима: как Русью стали варяги, так Русью должны стать и греки. Если имя Олега передается Ольге, а имя варягов — Руси, то Ольге же дается и имя греческой Елены, а в продолжение этой линии имя греков — Рим, взятое Византией у первого Рима, в будущем перейдет Руси.

Двусоставность сюжета имеет принципиальное значение. Она прослеживается как в общем течении летописного повествования, так и в судьбах двух главных героев, связанных с христианизацией Руси: Владимира и Ольги. В обоих случаях дело не сводится к обращению язычника (кровавые деяния Ольги-язычницы даже не подвергнуты порицанию). Вписанность в два сюжета означает наделенность обеими силами: архаичной, «варяжской» и новой, «греческой» — причем обретение новой силы теснит, но не упраздняет актуальность обладания прежней.

Сокровенно важное для Руси привносится из чужой земли — но сначала граница воюется изнутри, происходит демонстрация собственной силы. Так, призванию варягов из-за моря предшествует изгнание варягов за море, крещению Владимира и Руси — взятие Корсуня, сватовству к греческой Анне — отказ византийскому императору. Ольга, правда, с миром приходит искать крещения в Царьград — но до того на его вратах повешен был щит Олега. Фольклорное сознание, усугубляя эту закономерность, контаминирует Царьград с сожженным Ольгой древланским Искростенем¹⁶.

P. S.

Значимость двусоставного варяжско-греческого сюжета Повести временных лет для раннего русского исторического самосознания со всей очевидностью яв-

тищев В. Н. История российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 117). При такой версии посредническая роль Олега трактуется в соответствии с моделью, хорошо известной по истории Тристана и Изольды. Тождество имен объясняется и иначе — принадлежностью к общему роду. Так, Типографская летопись сообщает предание, согласно которому Ольга — дочь Олега (см.: Повесть временных лет. Ч. 2. С. 270—271). Указание на «теснейшую родственную связь» Ольги и Олега см.: Пархоменко В. А. Начало христианства Руси. Полтава, 1913. С. 104. В. Л. Комарович склонен считать, что «крестившаяся в преклонном возрасте в 95 г. Ольга» вполне могла быть дочерью «заклочившему в 911 г. с греками договор Олегу» (Комарович В. Л. Культ Рода и Земли в княжеской среде XI—XIII вв. С. 91).

¹⁶ См.: Кирпичников А. И. Литературной истории русских летописных сказаний // Известия ОРСЯС. СПб., 1897. Т. 2. Кн. 1. С. 61; Жданов Ив. Русский былевой эпос: Исследования и материалы. СПб., 1895. С. 448. Более подробное изложение представленного в этом разделе статьи материала см.: Виролайнен М. Н. 1) Загадки княгини Ольги

ствуует из того, что тот же сюжет запечатлен в Киево-Печерском патерике¹⁷ — в истории создания главнейшего киевского православного центра. Если Повесть временных лет разворачивает этот сюжет относительно истории государства, то Киево-Печерский патерик разворачивает его же относительно истории церкви.

В Сказании о том, «что ради прозвася Печерьскый монастырь», сообщается, что его основатель Антоний Печерский, приняв пострижение на Афоне, вернулся в Киев и поселился в найденной им у села Берестова пещере, «ю же бѣша ископани варязи»¹⁸. Составитель Печерского патерика Поликарп (XIII в.) сообщает, что пещера так и называлась Варяжской, ибо в ней был найден зарытый варягами клад. Таким образом, согласно этим преданиям, первой пещерой Печерского монастыря — то есть сакрального «греческого» — центра была пещера *варягов*.

Этой подробности можно было бы не придавать особенного значения, если бы варяжско-греческие координаты не были использованы в Киево-Печерском патерике как отправные, исходные точки повествования о возникновении Печерского монастыря.

«Слово» первое повествует о том, как к Антонию и Феодосию явился выходец из Варяжской земли Шимон, чтобы содействовать строительству будущей церкви. «Слово» второе повествует о том, как к Антонию и Феодосию с той же целью явились из Царьграда четверо греческих церковных мастеров.

Оба «Слова» имеют общую сюжетную схему (так же как по одной схеме строились два летописных рассказа о женитьбах Владимира). Варяг Шимон слышит голос Христа, от креста исходящий, повелевающий ему идти к Феодосию, где будет строиться церковь, — греки видят ангелов и Богородицу, которая велит им идти туда же. Варяг получает видение: стоящую в небесах церковь, которую предстоит построить, — такое же видение получают и греки. Христос посылает с варягом пояс и венец, украшавшие его распятие — Богородица посылает мощи и икону. Кроме того, как варяг, так и греки везут с собой золото на строительство храма.

Как видим, варяги и греки оказываются стоящими у основания церкви. «Слово» третье акцентирует это обстоятельство, сводя эпизод с варягом («Слово 1») и эпизод с греками («Слово 2») в единый узел: «от варягъ» — пояс и венец, «тако же и от грѣкъ» — икона и святые мощи¹⁹.

Согласно варяжско-греческой мифологии Повести временных лет, инициатива призвания варягов и крещения исходила от русских и сопровождалась предварительной демонстрацией силы. Отдаленные отзвуки этих представлений находим и в Киево-Печерском патерике. И варяг, и греки «силой нудятся» к тому, чтобы явиться на Русь. Варяг Шимон не своей волей оказывается здесь:

(Исторические предания об Олеге и Ольге в мифологическом контексте) // Русское подвижничество. М., 1996. С. 64—71; 2) Автор текста истории (Сюжетообразование в летописи) // Автор и текст. СПб., 1996. С. 31—52.

¹⁷ Для анализа использована вторая Кассиановская редакция, составленная в XV в.

¹⁸ Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 434.

¹⁹ Там же. С. 422.